

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Все, что мы
когда-то любим

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете
Петра Петрова

Метлицкая, Мария.
М54 Все, что мы когда-то любили / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-160271-0

Так бывает: видишь совершенно незнакомых людей и немедленно сочиняешь их историю. Пожилой импозантный господин и немолодая женщина сидят за столиком ресторана в дорогом спа-отеле с видом на Карпатские горы. При виде этой пары очень хочется немедленно додумать, кто они. Супруги со стажем? Бывшие любовники?

Марек и Анна встречаются раз в год — она приезжает из Кракова, он прилетает из Израиля. Им есть что рассказать друг другу, а главное — о чем помолчать. Потому что когда-то они действительно были супругами и любовниками. В книгах истории нередко заканчиваются у алтаря. В жизни у алтаря история только начинается. История этих двоих не похожа ни на какую другую. Это история надежды, отчаяния и — бесконечной любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160271-0

© Метлицкая М., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все, что мы когда-то любили

Он двигался так же стремительно, как и двадцать лет назад. Или почти так же. Это была походка мужчины в самом расцвете сил, а не старика за семьдесят. И только ей были заметны крошечные изменения: чуть-чуть, почти незаметно, он стал по-стариковски пришаркивать и почти исчезла прежняя легкая пружинистость, когда казалось, что он идет не по земле, а немного «над» и вот-вот взлетит.

Да, никакой пружинистости не было. А все остальное было по-прежнему. Красивое мускулистое тело — видно даже под фирменным желтым поло. Ни грамма возрастного жирка, плоский живот и бока, красивые стройные ноги — молодой позавидует, — загар, рост, густые седые волосы, в общем, красавец.

Анна сидела за дальним столиком все того же кафе, где они встречались последние несколько лет. Сидела и нервничала, как перед первым свиданием.

Свободным оказался единственный столик под высоченным раскидистым платаном, и ее, маленькую и хрупкую — воробышка, как он ее называл, — попробуй заметь.

Он остановился, прищурился и стал озираться по сторонам.

«Пижон, — усмехнулась она. — Надень нормальные очки, старый пень, ведь ни черта не видишь!»

Но нет, очки он не надел, зато снял модные дорожные солнцезащитные и наконец увидел ее. На его красивом загорелом лице расплылась блаженная улыбка. Он радостно замахал ей и, лавируя между столиками, стал пробираться к ее столу.

— Ну наконец-то, — облегченно выдохнул он, плюхнувшись на плетеный стул. — Ты нарочно так спряталась?

Она развела руками — дескать, сам видишь, как плотно все забито! Время ланча, что поделать.

— Перекусишь или только кофе? — заботливо спросила она.

— Перекусить? — задумчиво повторил он. — Наверное, нет, только кофе. Попробую дожить до обеда.

— Доживешь, — улыбнулась она, отпивая из чашки остывший, с осевшей пенкой капучино. — Как дорого? Доехал легко?

— Без происшествий — уже хорошо! — кивнул он, ища глазами официантку. — Немного застрял в горах возле Локарно, но это обычная история.

— Устал? — спросила она, точно зная, что он ответит.

— Немного, — неожиданно ответил он.

Ее брови взлетели вверх: ого! Впервые он признался, что устал!

И тут она разглядела его глаза, красные от усталости, и опущенные уголки красивого рта, и почти белые брови — кажется, в прошлом году они были пегими. Или он их подкрашивал? Нет, вряд ли, это совсем не его.

Официантка, совсем молодая девочка, с большими, немного коровьими глазами, ослепительно улыбнулась и угодливо заглянула ему в глаза.

— Двойной эспрессо, — сказал он.

— И все же возьми сэндвич, — посоветовала Анна. — До обеда еще далеко.

— Ладно, сэндвич с соленым лососем, — согласился он. — Только прошу, никакого майонеза! Лосось, помидор и хаса! Тыфу, салат! — поправился он.

— Сэндвичи у нас готовые, их привозят с основной кухни, и все с майонезом, простите! — растерялась девица.

— Милая! — Он поднял глаза и пару минут изучал ее. — Сделайте так, как я вас прошу! Уверен, это в ваших силах!

Окончательно смутившись и покраснев, официантка застрочила в своем блокноте.

— А ты, Марек, по-прежнему производишь неизгладимое впечатление на женщин! — рассмеялась Анна. — И наверняка тебя это радует.

Досадливо махнув рукой, он скривился:

— А, перестань! Осталось совсем мало вещей, способных меня порадовать. А уж это... — И он снова махнул рукой.

Но чудеса — минут через десять на стол аккуратно и торжественно был поставлен именно тот сэндвич, который он попросил, — тост, копченый лосось, тонко нарезанный помидор и листья салата.

Счастливая официантка вежливо поклонилась.

Как же красиво он ел! Анна всегда любовалась. Правда, он все делал красиво — ел, спал, ходил, слушал музыку, читал книгу, одевался. И откуда такой аристократизм? Непонятно. Никаких дворян, графов и шляхтичей в его семье не было. Хотя кто знает —

может, когда-то и согрешила прабабка с каким-нибудь важным паном, и правнуку это передалось.

Слева от их столика пышным цветом цвела желтая акация. Справа — кустарник с белыми пахучими цветами. Как он называется, этот кустарник? Ах да, это же жасмин! Что стало с памятью, боже! Но самое интересное — все то, что хотелось бы забыть и не вспоминать, в памяти держалось так крепко и цепко, что было ясно — это с ней навсегда.

Она глянула на него — тоненький листик салата повис на нижней губе. Да, старческая неряшливость никого не минует. И она протянула ему салфетку.

— Ну, ты доволен? — улыбнулась она.

Откинувшись на спинку стула, он кивнул и посмотрел на часы:

— Ого! Через десять минут у меня первый визит к врачу!

— Успеешь, — успокоила его она. — А кстати, ты придумал, на что будешь жаловаться?

Похоже, он немного обиделся — дурачок! Не понимает, какое это счастье в их возрасте — не иметь жалоб на здоровье!

— Ты думаешь, мне не на что пожаловаться? — обиженно сказал он. — У меня, между прочим, болит плечо! — Он на секунду задумался: — Правое, да. И еще, ты знаешь, я стал уставать. Казалось бы, не с чего, а устаю.

— Это возраст, мой дорогой! — улыбнулась Анна. — И он, увы, никого не минует. Даже таких крепышей, как ты. Это нормально, Марек, зря ты расстраиваешься. Ей-богу, зря!

«Нет, все-таки он удивительное явление природы, — подумала она. — Что называется, редкий экземпляр».

— Ну я, пожалуй, пойду. — Он поднялся. — Встретимся на обеде. Кстати, качество питания осталось на том же уровне?

— Все нормально, очень прилично. Хотя повар, кажется, поменялся.

Волоокая официантка, стоящая неподалеку, смотрела на него во все глаза.

— Ну вот, — усмехнулась Анна. — Кажется, ты разбил очередное женское сердце!

Он огляделся по сторонам и недовольно буркнул:

— Хватит делать из меня престарелого ловеласа. Кажется, я им не был даже в далекой молодости!

Действительно, ловеласом и бабником он никогда не был — был верным. Хотя бабы кружились вокруг, как осы над миской с вареньем: еще бы, такая фактура! Как говорила ее сестра Амалия, помесь Жана Маре и Жана Габена. Она смотрела ему вслед. Волоокая официантка тоже.

«Дурочка! Он же старик! — качнув головой, усмехнулась Анна и тут же вздохнула: — Бедная Шира! Он говорил, что она ревнивица».

* * *

Они с Марекком встретились, когда Анне едва исполнилось восемнадцать. Ей восемнадцать, ему девятнадцать — сущие дети.

Почему он обратил на нее внимание? Красотой она не блистала, ничего примечательного, обычная девушка. Смешные рыжеватые пружинки волос, карие глаза, чуть вздернутый нос и куча веснушек, словно солнце бросило ей на лицо целую пригоршню солнечных лучиков. К тому же крошка, крохотуля, Дюймовочка — метр пятьдесят четыре. Недоросток, послевоенное дитя. Гоненькая как веточка. Ножки,

ручки, шейка — все как у подростка. Кроме одного — груди. Вот грудь ей досталась солидная — третий номер при прочих параметрах!

Выглядело это немного комично, и она яростно с этим боролась — надевала тесные лифчики, распашные рубашки и платья. Но грудь, высокая и пышная, прятаться не хотела и нагло лезла наружу.

— Чем я тебе понравилась? — спрашивала она его. — Нет, ну правда! Даже Маля куда красивее, чем я! Про всех остальных я и не говорю! Помнишь Моника? Ну, ту высокую блондинку с сиреневыми глазами? А Эву Полянски? Что, тоже не помнишь? Темненькая такая, зеленоглазая, с пухлыми ножками?

— Моника? — рассеянно переспрашивал он. — Нет, не помню. А Эва твоя — никакая. К тому же кривляка. А ты, Аннушка...

У нее замирало сердце.

— А ты, — повторял он, — ты смешная, Аня! Смешная, забавная и настоящая. И еще я очень люблю кудрявых и рыжих!

Вот этого было в избытке — и рыжести ее, и кудрявости. Была ли она смешной? Немного сомнительный комплимент для девушки.

А то, что она настоящая — что он имеет в виду? Что значит «настоящая»? А все остальные — искусственные?

Ну ладно, хватит к нему приставать. Да и вообще, ей достался самый красивый, лучший парень в городе. И нечего мучиться дурацкими вопросами! Любят ведь не за что-то, правильно? Любят, потому что... Любят.

Анна знала, что он ее любит. Знала и чувствовала. Интуиция у нее была о-го-го. И она его любила. Как? Ей-богу, смешно! Все эпитеты казались ей ужасно

пошлыми — до безумия, до остолбенения, до дрожи в ногах, до безрассудства, до смерти. До какой смерти, о чем вы? Они так молоды и только встретились. И впереди у них долгая, длинная и счастливая жизнь.

Анна готова была на все — уехать за тридевять земель, жить в шалаше, есть пустой хлеб, ходить в обносках, ухаживать за ним, умереть ради него — всё, достаточно?

Была весна, и любимый город пах свежестью, распустившейся сиренью, дождем, влажной листвой, масляной краской, которой обновляли скамейки. Город пах жизнью, надеждой, свободой, любовью. Потому что закончилась война, потому что весна.

Каждый вечер он ждал ее у калитки.

Семья Анны жила в крошечном собственном домике на окраине города: три комнатки плюс кухня и сарайчик с садовым инвентарем в саду. Впрочем, какой там сад? Слишком громкое слово. Это был палисадник, и он тоже был маленьким, кукольным — две яблоньки, вишня, остальное цветы. Цветы заполняли все пространство — вдоль узенькой дорожки от калитки к крыльцу росли пионы, астры, хризантемы, флоксы, гладиолусы, мускарии и бархотки. Они щекотали колени и голени, а после дождя мокрые цветы склоняли головы, и у Анны всегда промокали туфли и гольфы.

Цветы разводила Анна, она их обожала. Но кроме любви и удовольствия они приносили доход. Громко сказано, но девочкой Анна собирала букеты и продавала их на перекрестке. Копейки, а все же помощь — жили тяжело, голодно. Послевоенное время, вдова и две дочери. Женское царство — мама, Амалия и она, Анна. Отец погиб в сорок четвертом. Милейший, ти-

шайший и добрейший человек. После похоронки мама замкнулась, замолчала. Нет, обязанности свои она выполняла — в доме всегда была еда и стерильная чистота. Весь дом в вышитых и вязаных скатертях и салфетках — пани Тереза постоянно вязала. «Чтобы не сойти с ума», — говорила она.

Денег катастрофически не хватало, зарплата у мамы-бухгалтера была крошечной. Окончив восьмилетку, старшая, Амалия, устроилась нянечкой в детский сад. Стало немного полегче, но по-прежнему считали каждую копейку.

Окончив десятилетку, Анна собралась на работу, но мать заставила ее поступать в институт. «Хоть одна из моих дочерей должна получить образование, — твердила пани Тереза. — К тому же ты, Анна, умница и светлая голова!»

Это была чистая правда — любой предмет давался Анне легко, будь то математика или литература. «Очень способная девочка, — говорили про Анну учителя. — Пани Малиновски, Аннушка обязана продолжить учебу».

Амалия обиделась. А кто бы на ее месте не обиделся? Ей выливать горшки и подтирать детские задницы, а младшенькая — студентка! Институт — это новая, интересная жизнь, молодежные компании и симпатичные парни, свидания и влюбленности, а дальше — хорошая работа, уважение и хорошее жалованье. А женихи? Где, скажите на милость, взять в детском саду кавалера? Будущее Амалии было туманным, скорее всего, ее ждала участь старой девы.

Мама Анной гордится, а что гордиться Амалией?

Зато Амалия развела огород. Правда, за него пришлось побороться — рыжая вредина не хотела отда-

вать и полметра земли! Ничего, справилась! Еще бы не справиться с этой малявкой!

Хотя огород — это смешно. Иметь настоящий площадь не позволяла. Но у забора на аккуратных, словно игрушечных, грядках росли укроп и сельдерей, клубника и огурцы, кабачки и даже картошка. И пусть всего было ничтожно мало, но Амалия с гордостью резала салат из собственной редиски и зеленого лука и со стуком ставила на стол миску с первой клубникой.

Правда, мама это не оценила — возни много, а толку чуть! Да и цветы куда красивее: цветы — удовольствие, а твоя морковка толщиной с волос. И так всегда — у маленькой все хорошо, а у нее, у старшей, все вечно не так. А ведь Амалия думает о хлебе насущном, а студентка витает в облаках, огород ее не интересует. Зато клубнику и редиску трескает за милую душу, но продолжает возиться со своими цветами! А что от них толку?

По вечерам, когда Анна торопливо выбегала на свидание, Амалия с завистью смотрела в окно.

«Счастливая, — вздыхала она. — И парень такой высоченный и, кажется, симпатичный. Правда, скромный — в дом так ни разу и не зашел. А эта дурочка влюбилась по уши — краснеет, бледнеет, кусает губы. Даже ресницы накрасила! А все равно смешная — нелепая, маленькая, как подросток. И совсем некрасивая».

— Не завидуй, — поймав завистливый взгляд старшей дочери, бросила мать. — Никто не знает, какая кого ждет судьба.

Как в воду глядела.

Все — правда. Разве мог кто-то предвидеть, что ждет беспечную, веселую и счастливую Анну? Ой, не

дай бог. Не дай бог пережить то, что досталось сестрице. Бедная, бедная Анна, а все так хорошо началось...

Что делают влюбленные? Влюбленные гуляют по улицам, сидят в парках и скверах, едят мороженое, бегают в кино и ходят на танцы. И, конечно, без конца целуются и обнимаются.

Встав на цыпочки, Анна тянулась к любимому. Он легко брал ее на руки:

— Воробушек! Ты мой воробушек, совсем невесомая. Надо тебя покормить!

И они шли в любимое кафе, где ели булочки, бублики, запивая все это горячим кофе, но Анна все равно оставалась худышкой.

Ее любимый Марек, оказалось, из богатой семьи — ничего себе, а? Отец — известный дантист с собственным кабинетом. Жили они в самом сердце города, у рыночной площади, где селились очень обеспеченные люди. К тому же у них была домработница, а хозяйка дома, мама Марека, никогда не работала.

— А что же она делает день напролет? — удивлялась Анна. — Ей не скучно?

— Что ты, — смеялся Марек. — Ей всегда не хватает времени. Встает она не раньше полудня. Потом пьет кофе и разговаривает по телефону. Дает указания Зосе, нашей работнице. Потом едет к портнихе или в магазин. Дальше встречается в кафе с подружками, пани Маркевич и пани Вайсман. И они снова пьют кофе, едят пирожные, обсуждают наряды и сплетничают. А когда наговорятся — дело к вечеру. В общем, домой она возвращается уставшая, и ей надо срочно прилечь. Вечером приходит отец, и начинается ужин. А там недалеко и до сна. Но перед сном опять телефон, и снова пани Маркевич и пани Вайсман,

просмотр журналов мод, легкое чтение и — бай-бай, матушка утомилась!

— И так каждый день? — не могла поверить Анна. — Нет, так можно рехнуться.

Он пожимал плечами:

— Она так привыкла. — Кажется, ему становилось неловко, и он добавлял: — Нет, еще они ходят в театр, в кино и в гости и иногда принимают у себя. А это, знаешь, тоже работа, — шутил он. — В общем, жизнь насыщена и многообразна! Правда, — тут Марек хмурился, — мама часто болеет и подолгу лежит в больнице. У нее было страшное детство, погибла вся семья и родня, и это, конечно же, не прошло бесследно.

Анна сочувственно кивала: болезни — это ужасно. Ее мама приходила с работы с темными синяками под глазами и жаловалась, что слепнет от цифр — мелких, как назойливые мухи. И Анна видела, как мама устает. А мама крепкая, сильная женщина. Нет, замечательно, что мама Марека может не ходить на службу! И здорово, что пан Ванькович, его отец, хорошо зарабатывать! А пани Тереза, Аннина мама, получив жалованье, садилась за стол и с тяжелым вздохом принималась раскладывать деньги — за электричество, на новые чулки, сколько можно штопать старые, на мясо, на подарки к Рождеству. И каждый раз у нее становились мокрыми глаза.

Да, все живут по-разному, такая вот правда жизни. Но если бы был жив папа, все было бы совсем по-другому! Всё! И мама была бы веселой и неплаксивой, и они бы не покупали свиные обрезки с жилами, а покупали настоящие куски мяса и запекали бы его в духовке, как делали раньше, до войны, как любил папа — с чесноком, розмарином и мелкими картофелинами.